

DOI 10.25991/VRHGA.2022.23.2.001

УДК 1/14

*Р. И. Зекрист**

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ИСЛАМСКОЙ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОМ ИСЛАМСКОМ ДИСКУРСЕ: ПОИСКИ ОТВЕТОВ НА ВЫЗОВЫ КАТАСТРОФ

Идея реконструкции исламской философии в современных условиях актуализируется в связи с тем, что возникают проблемы природного и социального характера, которые можно обозначить как катастрофы и кризисы. В таких критических условиях вызова востребован синтез духовности и научности, что является фундаментом для решения возникающих сложностей и консолидации человечества.

В этой связи автор статьи обращается к широко обсуждаемому в современном исламском дискурсе спору о совместимости ислама и науки и приходит к выводу о неизбежности поддержки и расширения возможностей рационального исследования и поиска знания, вдохновленных Кораном. Классическим историческим примером рационализации знания в исламском дискурсе является арабо-греческая философия — фальсафа (ал-фалсафа ал-'арабиййа ал-му'асира).

Сложные проблемы современного уровня развития религии, науки, политики, экономики, культуры и цивилизации требуют в XXI веке новых исследовательских подходов, нового измерения и инструментария.

Теория самоорганизации и эволюции больших нелинейных систем стала новым фактом и фактором развития науки исследования сложных локальных и глобальных проблем. Автор обращается к нелинейным методам теории самоорганизации, теории катастроф как наиболее адекватным для анализа сложных, динамичных, глобальных проблем устойчивого развития общества, что повлечет за собой гармонизацию научного мировидения, духовности и нравственности.

Таким образом, в фокусе нового миропонимания оказывается вопрос о реконструкции исламской философии (науки) в современном исламском дискурсе на фундаменте современных теорий динамических систем.

Ключевые слова: исламский дискурс, исламская теология, религия, наука, теория самоорганизации, теория катастроф, реконструкция исламской философии.

* Зекрист Рида Ирековна, доктор философских наук, профессор кафедры обществознания, права и социального управления, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы; zekrist@mail.ru

R. I. Zekrist
ON THE QUESTION OF THE RECONSTRUCTION OF ISLAMIC PHILOSOPHY
IN MODERN ISLAMIC DISCOURSE:
SEEKING ANSWERS TO THE CHALLENGES OF DISASTERS

The idea of reconstruction of Islamic philosophy in modern conditions is actualized due to the fact that there are problems of a natural and social nature, which can be designated as catastrophes and crises. In such critical conditions of challenge, a synthesis of spirituality and scientificity is in demand, which is the foundation for solving emerging difficulties and consolidating humanity. In this regard, the authors of the article turn to the widely discussed controversy in modern Islamic discourse on the compatibility of Islam and science and come to the conclusion that it is inevitable to support and expand the possibilities of rational research and the search for knowledge inspired by the Qur'an. A classic historical example of the rationalization of knowledge in Islamic discourse is the Arabic-Greek philosophy — falsafa (al-falsafa al-'arabiyya al-mu'aşira).

The complex problems of the current level of development of religion, science, politics, economics, culture, and civilization require new research approaches, new dimensions and tools in the XXI century.

The theory of self-organization and evolution of large nonlinear systems has become a new fact and factor in the development of the science of studying complex local and global problems. The authors refer to the nonlinear methods of the theory of self-organization, the theory of catastrophes as the most adequate for the analysis of complex, dynamic, global problems of sustainable development of society, which will entail the harmonization of the scientific worldview, spirituality and morality.

Thus, the focus of the new worldview turned out to be the question of the reconstruction of Islamic philosophy (science) in modern Islamic discourse on the basis of modern theories of dynamical systems.

Keywords: Islamic discourse, Islamic theology, religion, science, self-organization theory, catastrophe theory, reconstruction of Islamic philosophy.

*Проблема может быть решена только на более
высоком уровне сознания,
чем тот, который привёл к её возникновению.*
Альберт Эйнштейн

1 . ВВЕДЕНИЕ

Отправной точкой нашего исследования явилась статья Зорана Милошевича [1] «Ислам и наука», посвященная изучению совместимости ислама и науки, в которой показано, что вклад мусульман в развитие мировой науки невероятно мал, менее одного процента, хотя каждый пятый житель планеты сегодня — мусульманин.

Начало спорам о совместимости ислама и науки положил профессор Коллеж де Франс Эрнест Ренан (1823–1892) в лекции под названием «Ислам и наука», которую он прочитал 29 марта 1883 г. в Сорбонне. Ренан тогда выразил мнение, что позитивистская наука и дух ислама несовместимы. В ответ Джемаладин ель-Афган, отец мусульманского реформизма, заявил, что научное

отставание ислама никак не связано с его фундаментальными принципами, но стало его историческим следствием [2, р. 75].

С тех пор полемика не утихает...

Очевидно одно: Западная и Восточная Европа с сомнением относятся к вопросу об отношении ислама к науке. Однако с позиций философской теологии, основная цель раннего религиозного образования (с VII по XI век) в исламе заключалась в том, чтобы поощрять обращение и развивать чувство общей мусульманской идентичности среди учеников. По словам пророка Мухаммеда, каждый стих в Коране представляет собой слово Бога, открытое ему в течение более чем двух десятилетий, начиная с 610 г. н. э. Каждый из них можно интерпретировать семью разными способами, что позволяло разнообразить их значение и применение. Жизнь первых мусульман и их обучение не были сосредоточены исключительно на исламе. Напротив, даже те, кто ищет исламское знание, в конечном итоге переключали свои интересы на бизнес и семью в то время, как только наиболее интеллектуально ориентированные продолжали расширять свои религиозные знания или свой поиск знаний в астрономии, медицине и других науках.

Amra Sabic-El-Rayess [3] пишет, что Брентьес соглашается с тем, что элиты рассматривали научный прогресс как ключ к их престижу и, в более широком смысле, к социальному развитию, а Bulliet считал, что всего около 4% городской элиты были глубоко вовлечены в религиозные учения. Исламские ученые, такие как Аль-Джахиз (776–868), утверждали, что учитель должен служить примером знаний и сосредоточиться на критическом мышлении в математике и на письме как важнейших основах человеческого прогресса, по отношению к которым религиоведение было вторичным. Знание — один из наиболее часто встречающихся в Коране терминов, и пророк Мухаммед прямо наставлял мусульман искать знания, даже если это предполагало поездку в Китай.

В Средние века, как мы знаем, восприятие античного философского наследия (аристотелизм, неоплатонизм) способствовало развитию рационалистических тенденций в мусульманской теологии (мутазилиты, ашариты).

В общей канве полемики необходимо учитывать мнение Давыдова, согласно которому арабско-исламская наука представляет собой, в большей или меньшей мере, коллекцию заимствованных знаний. Давыдов [4] подчеркивает, что индийские цифры были заимствованы у армян и индусов, а «арабская философия» — результат межкультурного диалога и та цена, которую вынуждены были платить завоеванные мусульманами народы.

Соглашается с Давыдовым и Максат ат Тарази [5], который предостерегает воодушевленных защитников исламской науки от излишнего энтузиазма в описании великих научных открытий мусульман, живших в период «Золотого века».

Милошевич [1] пишет, что, по мнению М. Т. Степанянц, мусульмане сосредоточились на тех науках, которые были необходимы им на заре ислама, таких как кират (учение) и толкование Корана, тафсир, фикх и т. п., а также науках, необходимых для построения логических выводов и верного понимания как фикха, так и в целом языка, событий, походов, путешествий и т. д.

Сравнивая ислам и науку, М. Sadovic полагает, что «Коран заявляет истины и не доказывает их, а наука вынуждена, во-первых, установить предмет,

о котором говорится, а затем доказать то, что о нем утверждает, что должно быть проверено и экспериментально. Коран ссылается на силу Божью, которая является бесконечной и как таковая может быть доказана не в человеческом опыте, а в чуде и в единстве судьбы мира и человечества» [6, р. 8].

В связи с этим, Милошевич [1] напомнил нам слова профессора Халиби, шиита, обращенные «с надеждой, что однажды мусульмане примут истины и “что не забудут свой удел от дуньи”, чтобы не отстать от каравана, называемого цивилизацией, материальной и духовной культурой народа, чтобы снова взять на себя свою научную и культурную миссию, как и раньше, и чтобы решительно двинуться вперед».

Сегодня в мировое мусульманское сообщество входят и светские мусульмане, и те, кто принимает исключительно ультраконсервативную и пуританскую интерпретацию ислама. Каждое сообщество контекстно интерпретирует идеи знаний и образования по своему усмотрению. Тем не менее некоторые всеобъемлющие идеи возникали на протяжении всей истории и в настоящее время влияют на глобальный радикализм в исламе.

Таким образом, несмотря на противоречивость полемики исламского дискурса, большинство исследователей полагают, что раннее расширение ислама происходило не из-за отказа от науки или пренебрежения ею, а благодаря ее широкой поддержке и открытому призыву к рациональному исследованию и поиску знания, вдохновленному Кораном. Однако после дестабилизации социального мира ислама чувство принадлежности и осмысления стало внутренним и менее рефлексивным, чем у первых мусульман. Вера стала превалировать над механизмами рациональности, которые ранее формировали исламские устремления. Такие сдвиги в том, что считалось ценным в образовании, сыграли значительную роль в возникновении феномена радикализации ислама. По мнению Amra Sabic-El-Rayess [3], образование и знания — не единственные или всемогущие силы, формирующие траекторию радикализации в исламе. Следует изучить, как и почему мусульманские общины, их лидеры, педагоги и образовательные учреждения постепенно изменили свою интерпретацию образования и знаний. Теоретическое предположение автора таково, что идея знания и образования трансформировалось в исламе из амбициозного, инклюзивного и рационального поиска и уважения к научным и религиозным знаниям в фокус, опасно суженный прежде всего на религиозном знании, лишенном любой рациональности, создающем благодатную почву для радикализации и узаконивания актов насилия через ислам.

Для того чтобы противостоять такой тенденции, чтобы мусульманский мир прогрессировал, необходимо возродить и вернуть страсть к знаниям, которую продемонстрировала ранняя Исламская империя в поиске всех известных форм знаний, которые привели к Золотому веку ислама.

В таких условиях по-новому и свежо звучат идеи религиозных реформаторов начала XX века, призывающие к поиску путей развития религии в новых условиях. В качестве примера можно привести интеллектуальное возрождение в лице представителей татарского движения обновления (джадидизма), среди которых особое место занимают Риза Фахретдин и Муса Джарулла Бигиев

(Джамал Валидов в свое время назвал их «великими учеными современного мусульманского Востока»), а также Галимджан Баруди и другие реформаторы.

В своих сочинениях: «Дини вэ иджтимагый мэсьэллэр» («Религиозные и общественные проблемы»), 1914 г.; «Джавами калим шархи» («Комментарии к сборникам хадисов»), 1916 г. — Риза Фахретдин рассматривал проблемы реформирования мусульманского мира, отстаивал совместимость ислама и науки, призывал вернуться к первоначальному «чистому» исламу.

Как полагает Раиль Фахрутдинов [7], Фахретдин, Баруди и Биги искали пути развития религии в новых условиях, внося в религиозное мировоззрение татарского народа новое, рационализирующее начало.

Идея реконструкции исламской науки, и прежде всего философии, в современных условиях актуализируется и в связи с тем, что возникают проблемы природного и социального характера, которые можно обозначить как катастрофы и кризисы. В таких критических условиях вызова научный подход востребован, является фундаментом для решения возникающих проблем и консолидации человечества.

2. МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Религия и наука — исключительно многогранные явления, они составляют объект поли- и междисциплинарных исследований.

Чтобы показать необходимость реконструкции исламской философии (науки) в условиях современного исламского дискурса, автор обращается к нелинейным методам теории самоорганизации, теории катастроф как наиболее адекватным для анализа сложных, динамичных, глобальных проблем устойчивого развития современного общества. В то же время при изучении катастроф с точки зрения религиозного подхода обнажается противоречивость традиционных методов познания, их ограниченность. Более того, современные катастрофы, пандемия COVID-19 рассматриваются в большинстве исследований, как правило, с медицинской точки зрения. Однако важно понимать, что на раскрытие смысла и роли, которую играет религия в смягчении последствий COVID-19, оказывает влияние множество измерений — медицинское, богословское, социальное. В методологическом отношении в данном исследовании используется качественный подход с позиции феноменологии.

3. ДИСКУССИИ

Прежде чем перейдем к результативной части исследования, отметим те исследовательские труды, которые напрямую повлияли на раскрытие смыслов и содержания данной работы.

Исследователи Aminuddin Hassan, Asmawati Suhid [8] изучают исламскую философию в аспекте образования как целостную среду, которая включает в себя всеобъемлющие аспекты знаний. Согласно холистической философии, человек считается частью природы. Понятие устойчивости, которое включает

в себя аспекты эмоций, духовности, интуиции и воображения человека, отражается в исламской философии образования. Эта философия делает упор на концепции, согласно которой каждый аспект одновременно взаимосвязан с другими (взаимосвязанная реальность). Разнообразие аспектов включает метод практических занятий, чтобы студенты могли думать и решать каждую проблему на основе Корана. Обучение в аспекте исламского образования как подход к реализации исламской философии образования среди студентов становится эффективным методом, поскольку он способен создать человека, уравновешенного с точки зрения его физического, эмоционального, духовного и интеллектуального развития.

Следовательно, для мусульман было бы блестящей попыткой продолжить изучение природы высших человеческих способностей через пробуждение и воспитание в подлинно исламском образовательном процессе, что внесет реальный вклад в возрождение лучших мировых образовательных практик.

Kamarudin Zaelani [9] в статье «Актуализация философии науки для развития исламской науки: философское исследование эпистемологической основы исламских наук» утверждает, что любая исламская мысль должна рассматриваться как «иджтихад», работа «синтетически мыслящая или философская», где философия науки — это непрерывный процесс развития науки, достигает воли Бога, наблюдаемой и оцениваемой через Его Слово. С точки зрения философской науки, каждая исламская мысль включает в область обсуждения поле критики и комментариев, чтобы оправдать утверждение истины.

Философия науки — это набор концепций, предполагающий научное развитие и поправки к науке, которая была ранее разработана. Эта концепция созрела с учетом обширных обсуждений в областях, охватывающих почти все аспекты знания из источника — предысторию, методологию и ориентацию. Польза философии науки в том, что она понимает природу науки. Грядущее развитие отмечено нарастающим прогрессом. Ислам должен готовиться к будущему вкладу в научное сообщество.

Мусульмане должны принять концепции философии науки и применить их к развитию ислама, исламской религиозной науки и общества в целом.

Философия науки может принести пользу мусульманам, особенно в продвижении науки и обращении вспять отсталости; это актуальный инструмент, который в настоящее время востребован исламом, чтобы уменьшить его отчуждение.

Nailya Akhtyamova, Mikhail Panasyuk, Rustam Azitov [10] рассматривают возможности развития правильного понимания и толкования ислама посредством образовательной деятельности в области образования и науки, а также реализации исламских экономических принципов в России.

Sussan Keshavarz [11] в работе «Философия воспитания выдающихся детей согласно исламу» обращается к исследованию философии образования одаренных детей в исламе, и для рассмотрения этого вопроса фундамент философии образования одаренных детей подразделяется на три категории: онтологию, эпистемологию и аксиологию, согласно доктрине ислама, а затем качество и причина образования исследуются с точки зрения религии ислама в двух разделах: цели и принцип исключительных детей. Результаты исследования

показали, что исключительные и целеустремленные дети должны получать образование с учетом их способностей, что является одним из их необходимых прав, для повышения качества их личной и общественной жизни.

Работа Abdul Gafar Olawale Fahm [12] важна с исследовательской точки зрения тем, что показывает меняющуюся роль мусульманских организаций в динамике связей с общественностью, которую можно оценить в свете признания растущей важности религиозных объединений по всей стране и в рамках дискурса об обществе, религии и активизме. Это исследование освещает значение и практику исламского активизма в Нигерии и то, как он влияет на социально-религиозные проблемы и проблемы национального развития.

Исследование Nawal A. Al Eid, Boshra A. Arnout [13] направлено на построение широкой концептуальной теории путем применения обоснованной теории к исламскому подходу к управлению кризисами и стихийными бедствиями, стратегиям, используемым для управления ими, этапам управления кризисами, характеристикам лидера, который управляет кризисами, и роли, предназначенной для преодоления этих кризисов, таких как вспышка пандемии COVID-19. Качественный анализ аятов Благородного Корана и благородных хадисов Пророка позволяет вывести коранический подход из Книги Бога и Сунны Благородного Пророка. На основании этих результатов исследование предлагает некоторые важные идеи, которые заполняют пробел в литературе, посвященной исламской модели управления кризисами. Таким образом, эти результаты могут быть полезны должностным лицам и лицам, принимающим решения в области управления кризисами, в частности кризиса, связанного со вспышкой пандемии COVID-19, в качестве модели, а также предоставляет им стратегии, которые позволяют им эффективно управлять этими кризисами для их преодоления и устранения ужасных последствий. Это позволит повысить их осведомленность об этапах управления кризисами в соответствии с подходом Корана и пророчества, а также их понимание характеристик лидера, который управляет кризисами, и предназначенных ему ролей. Эти результаты могут быть полезны в контексте качественного исследования кризисного управления при разработке программ обучения лидеров управлению кризисными ситуациями, что вносит оригинальный вклад в исламскую модель управления кризисами.

Кризисное управление важно, поскольку оно обеспечивает научную способность экстраполировать и прогнозировать текущие и потенциальные источники угроз, а также оптимизирует имеющиеся ресурсы и возможности для уменьшения последствий кризиса. Кризисное управление — также предоставление практических и материальных возможностей для подготовки и противостояния, а также по возвращению к нормальной жизни с помощью ряда шагов и процедур для восстановления.

Suyadi, Zalik Nuryana, Niki Alma Febriana Fauzi [14] показали, что теологическое движение проявилось в форме религиозного положения, как продукт иджтихада Мухаммадии, направленный на решение современных проблем, в котором Мухаммадия попытался реконструировать классическую исламскую юриспруденцию правила поклонения, чтобы приспособиться к чрезвычайной ситуации. В исследовании анализировались аргументы и их актуализация относительно смягчения последствий COVID-19, движения за медицинское

здоровье и реконструкции фикха богослужения во время чрезвычайной ситуации в частности, а методов борьбы с бедствием с теологической точки зрения в целом.

Таким образом, интерес к развитию духовного интеллекта помогает людям принять позитивный взгляд и достичь внутреннего покоя, поскольку это улучшает мотивацию к самоконтролю в условиях высокого стресса в современной жизни: в школе, дома и на работе. Духовный интеллект считается наиболее важным типом интеллекта из-за его способности влиять на людей и изменять культуры и общества.

Кроме того, для человека важна религиозность, которая положительно связана как с духовностью, так и с психическим здоровьем, считают эксперты. Следовательно, религиозность определяет стиль руководства, а также определяет характер его отношений с подчиненными, что может повлиять на рабочую среду. Таким образом, религиозность и духовный интеллект определяют поведение лидера в рабочей среде, уровень его работы и эффективность его последователей.

Исходя из вышесказанного, мы можем утверждать, что духовный интеллект является центром и источником руководства для человеческого разума, поскольку он является компасом жизни. Следовательно, мы должны осознавать важность духовного интеллекта в сегодняшнем мире и не забывать о семи вещах, которые, согласно Ганди, могут уничтожить нас: богатство без работы, удовольствие без совести, знание без личности, торговля без этики, знание без человечности, поклонение без жертв и политика без принципов.

Результаты исследования проливают новый свет на важность развития у лидеров навыков духовного интеллекта для решения проблем лидерства и повышения производительности, для творчества и благополучия лидеров и подчиненных в исламском мире.

Что касается исследований в области катастроф, то они все еще ограничиваются естественными или геологическими бедствиями, такими как землетрясения, цунами, извержения и ураганы, и тенденциями исследований катастроф в Австралии, Индии и Азии, включая катастрофы, с точки зрения религии, в Индонезии.

Так, к примеру, в исследовании Solinska-Nowak A. et al. [15] рассматриваются серьезные игры / симуляторы, направленные на решение проблем, связанных с управлением рисками бедствий (DRM), которые служат в качестве обучающих инструментов и инструментов взаимодействия для пострадавших сообществ, политиков и других заинтересованных сторон в Австралии.

В исследовании Sonia Akter [16] представлены эмпирические доказательства связи между социальной сплоченностью и адаптацией к изменению климата в прибрежном районе Бангладеш, подверженном тропическим циклонам.

В работе Iuchi K., Mutter J. [17] рассматриваются три случая восстановления после катастроф — землетрясение и цунами в Тохоку (Япония), штормовой нагон в Лейте (Филиппины) и извержение вулкана в Джокьякарте (Индонезия) — с целью изучения различных правительственных подходов к переселению населения. В частности, в нем исследуется, как структура программы и структура управления влияют на реализацию и успех переселения сообщества

и как это влияет на участие сообщества и конечные результаты переселения в долгосрочной перспективе.

Статья М. Rokib [18] посвящена опыту религиозной группы добровольцев под названием Сантана (реакция студентов-исламистов на стихийное бедствие) в регионе Восточная Ява. Группа является частью исламского учебного заведения, которое подчеркивает религиозные аспекты и попытки реализовать религиозные ценности в повседневной жизни. Группа придает религиозное значение опыту по преодолению стихийных бедствий и усилиям по оказанию помощи жертвам стихийных бедствий. Это исследование показывает большое количество религиозных символов, относящихся к стихийным бедствиям как к природным и теологическим явлениям.

Появились исследования, изучающие неприродные или негеологические бедствия, такие как социальные кризисы и межэтнические конфликты, как гуманитарная катастрофа рохинджа в 2017 году.

Таким образом, рассмотренные работы актуализируют разные аспекты универсальной проблемы — реконструкции исламской науки и философии в современных условиях — в связи с тем, что возникают проблемы природного и социального характера — катастрофы и кризисы, требующие синтеза духовности и научности для разрешения трудностей и консолидации человечества.

4. РЕЗУЛЬТАТЫ

Как показал анализ дискуссионной части работы, необходимы исследования по смягчению последствий катастрофы, связанной с COVID-19, с точки зрения ислама, которые могут противодействовать антинаучности и антиинтеллектуализму.

Как указывают исследователи Suyadi, Zalik Nuryana, Niki Alma Febriana Fauzi [14], Мухаммадия, как одна из старейших и крупнейших общественно-религиозных организаций в Индонезии, составила «Фикх бедствий», который впоследствии стал нормативной базой в смягчении последствий COVID-19.

Мухаммадия [19; 20] отреагировала на COVID-19 тремя способами, а именно: в медицинском, теологическом и образовательном аспекте. В области медицины Мухаммадия предоставила медицинские услуги в виде 74 резервных больниц для лечения COVID-19 с медицинским персоналом и гуманитарных волонтеров. В области богословия Мухаммадия составила руководство по поклонению в разгар COVID-19, чтобы места поклонения дома не стали кластерами распространения COVID-19. В сфере образования Мухаммадия разрабатывала исламские учебные материалы, с тем чтобы многие люди справились с ситуацией.

Существует пробел в знаниях и исследованиях о самом COVID-19, и те из них, что уже накоплены, в основном сосредоточены на вакцинации, лечении, исцелении и повышении иммунитета. Практически нет исследований, проводимых с точки зрения социальной и религиозной перспективы. Этот пробел в знаниях касается социально-религиозных и образовательных последствий COVID-19.

Пандемия COVID-19 поставила под угрозу сразу три из пяти столпов ислама. Многие страны ограничили свободу митингов и собраний, что привело к закрытию мечетей — даже для обязательной молитвы. Пока останется невозможным совершить паломничество в Мекку: Саудовская Аравия закрыла для посещения, это святое для мусульман место.

Пост в месяц Рамадан оказался под угрозой. В течение 30 дней верующие мусульмане должны отказывать себе в приеме пищи и питья в дневное время — как когда-то это делал сам пророк Мухаммед. Из-за пандемии и мер по борьбе с ней соблюдать пост в Рамадан представляется невозможным. Одна из причин: отказ от пищи и питья в течение дня может содействовать распространению коронавируса, потому что экстремальные условия повышают риск заболевания COVID-19.

Мусульмане должны соблюдать пост только в том случае, если это не несет угрозы их здоровью; больные и пожилые люди, как и беременные женщины, могут не придерживаться соответствующих ограничений. Но это исключение из правил стало новой реальностью уже для всех мусульман в Рамадан в 2020 и 2021 годах.

Таким образом, будущие исследования по философии катастроф, которая фокусируется на смягчении последствий COVID-19 с точки зрения исламского образования, восполнят этот пробел, что будет иметь значение для нового исламского дискурса в изучении негеологических способов смягчения последствий стихийных бедствий (которые с большой вероятностью будут повторяться в будущем), выходящего за рамки традиционных рассуждений фикха.

Для науки важное значение имеют исследования катастроф в рамках религиозного подхода, которые, к примеру, провел Nawal A. Al Eid [13], концептуально исследовавший кризисное управление в исламе.

Управление стихийными бедствиями в исламе можно изучить из историй, описанных в Коране и хадисах.

Факты свидетельствуют о том, что жизни наций и народов не обходятся без кризисов, повторяющихся на протяжении веков. На протяжении всей истории народы и цивилизации сталкивались с невзгодами на разных уровнях, в том числе и исламская история изобилует многими испытаниями, через которые прошли народы и нации с рассвета Послания и до сегодняшнего дня.

С точки зрения науки, явления культуры, включая религию, как известно, отличаются удивительной устойчивостью, исторической инвариантностью. Но всё устойчиво лишь относительно, до определённой степени, на некоторой, пусть и длительной, стадии развития. Огромное число явлений нашего мира, в том числе мира культуры на различных уровнях ее организации (отдельного человека, малой или большой социальной группы, этноса, мирового сообщества), оказывается, демонстрируют изменчивость, хаотическое или вероятностное поведение, режимы с обострением, с разными темпами. Такую изменчивость изучает теория катастроф, являющаяся одной из частей более общей математической теории — качественной теории сложных нелинейных систем. Эта теория изучает общие принципы, проявляющиеся в различных ситуациях, и помогает лучше понять механизм действия природных сил. Один из таких механизмов описывает взаимодействие судьбы и свободы выбора,

и математическая модель этого взаимодействия оказывается очень близка к религиозной.

Уже в XIX веке Герберт Спенсер отмечал, что растущая сложность является общим клеймом эволюции: «Эволюция есть возрастание сложности структуры и функции... свойственное... процессу уравнивания». Спенсер все еще рассуждал в термодинамических рамках теплового равновесия. В синергетике показывается, что вдали от теплового равновесия существует не просто одна неподвижная точка равновесия, а иерархия более или менее сложных аттракторов, начиная с неподвижных точек и кончая фрактальными структурами странных аттракторов. Таким образом, ни в биологической, ни в социокультурной эволюции не существует фиксированного предела сложности, а есть достаточно сложные аттракторы, представляющие метастабильные равновесия определенных фазовых переходов, которые можно преодолеть при достижении определенных пороговых параметров. По К. Майнцеру [21, р. 368], структурная стабильность общества связана с такими аттракторами.

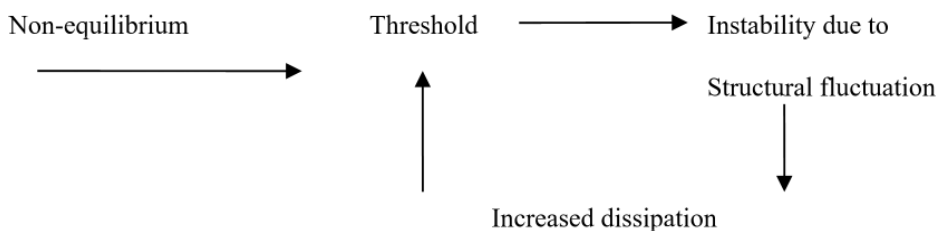

Рис. 1. Механизм эволюции с обратной связью

В своей работе «Философия нестабильности» один из основателей синергетики И. Пригожин освобождает понятие нестабильности от негативного оттенка. По Пригожину [22, р. 201], нестабильность «...не всегда зло: ...нестабильность способствует выявлению и отбору лучшего», к сожалению, не всегда и уж никак не автоматически. Сам хаос может быть защитой от хаоса: механизмом вывода на структуры-аттракторы эволюции, механизмом согласования темпов эволюции при объединении простых структур в сложные, а также механизмом переключения, смены различных режимов развития системы.

Структура возникает в хаосе и из хаоса. Хаос организован и организует. Разрушая, он строит... Хаос чрезвычайно многолик. Это и способ выхода на относительно устойчивые структуры эволюции, и механизм переключения жизненно важных циклов функционирования сложных систем, и «клей», который связывает части в единое и устойчиво эволюционирующее целое, и механизм адаптации к изменчивым условиям окружающей среды, и — что немаловажно — способ обновления сложной организации в природе и человеческом разуме [23, р. 15].

Теория катастроф, наряду с другими современными теориями динамических систем, уже в значительной степени изменила привычные представления об устойчивости и инерционности мира. Благодаря теории катастроф, мы сегодня лучше понимаем свою ответственность за возможные нарушения гар-

монии и равновесия противоположных природных сил, она позволяет глубже проникнуть в суть вещей, явлений и процессов реального мира.

Кризисное управление зависит от сообразительности и эффективности лиц, принимающих решения во время этих кризисов. История дает немало примеров, когда в критические моменты судьбы народов зависели от решения одного человека, и если ему удавалось «поймать момент», понять необходимость того или иного действия, то начиналось новое время, открывались новые перспективы, воплощались великие идеи.

Поскольку в определенных ситуациях — в точках катастроф — даже незначительные движения могут повлиять на ход развития, считает А. Чуличков [24], очень полезным окажется умение определять, далеко ли от такой точки находится система. Формально для этого следует изучить зависимость системы от внешних параметров в математических моделях, однако на практике нередко встречаются случаи, когда у исследователя нет даже туманных соображений о том, каким эволюционным уравнением описывается развитие системы. Тем не менее, даже в этих ситуациях, можно указать некоторые косвенные признаки того, что изучаемая система находится вблизи точки катастрофы.

Исламские дискурсы, долгое время казавшиеся плодом схоластических рассуждений, в свете теории самоорганизации сложных систем, в том числе теории катастроф, приобретают достаточно четкую и строгую научность и в то же время глубокий философский смысл.

Существенным вкладом в решение проблем исследования стало понимание того, что универсальный идеал «совместимости» религии и науки (философии) может формироваться и постепенно реализовываться только при условии полноты диверсификации (многообразия) дискурсов. Очевидно, что диверсификация идеалов может завершиться лишь тогда, когда их поляризация достигнет своего предела (апогея). И такой предел есть различие между религиозным и секулярным идеалом. Но для того, чтобы потенциально бесконечное разнообразие дискурсов превратилось в глобальное единство, необходимо также стабилизировать взаимосвязь этих противоположностей, т. е. взаимозаменяемость религиозных и светских идеалов. Это единство поляризации и стабилизации конкретно воплощено в известном из истории эмпирическом законе религиозной дополнителности (рис. 2) [25].

Из этой схемы видно, что религиозные и научные идеалы, с одной стороны, исключают друг друга, а с другой — предполагают друг друга. Рост веры в плотскую личность ведет к упадку веры в сверхъестественную личность. Но при достижении некоторого критического значения (характеризуемого в быту как «духовный кризис») наступает перелом, и тогда упадок веры в физическое лицо (в частности, в свои силы) закономерно приводит к возрастанию веры в сверхъестественного человека. Но и только до определенного состояния, при достижении которого начинается обратный процесс. Таким образом, взлеты и падения как научных, так и религиозных идеалов проявляются во взаимной передаче друг другу своеобразной эстафеты «смысла жизни».

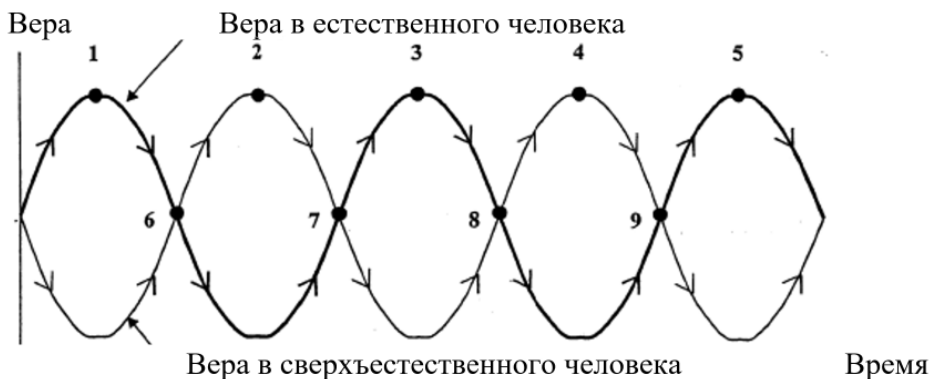

Рис. 2. Закон вероисповедальной дополнителности
 1, 2, 3, 4, 5 — состояния духовного кризиса;
 6, 7, 8, 9 — состояния идеологического перелома

5. ВЫВОДЫ

Основной мировоззренческий принцип «исламской философии природы» — идея взаимозависимости человека и природы. С.-Х. Наср и другие мусульманские неотрадиционалисты выводят его из исламского принципа таухида, утверждающего единство всего сущего во внутреннем отношении к его онтологическому началу — Аллаху. В гносеологическом оформлении этот принцип выражен в мусульманской концепции единства знания, утверждающей взаимосвязь всех типов знания [26, с. 24–25]. Современная наука подходит к тем же позициям с рационалистической стороны, но без философского и духовно-религиозного оформления такой путь не гарантирует. Не случайно аль-Фараби подразделял Интеллект на десять уровней, верхним из которых являлся Бог, а нижним — человек, стремящийся достичь божественного уровня с помощью разума [27, с. 36]. «Божественное», небесное (первый Интеллект) раскрывается посредством богословия ислама. Природа десятого Интеллекта имеет две стороны — материальную, земную, и идеальную, к которой человек и должен стремиться. Из этого следует, что именно философия, которая не может удовлетвориться анализом индивидуальных форм культуры — науки и религии, стремится к универсальному синтетическому видению, которое включает в себя обе стороны. Философия занимается поисками не единства следствий, но единства действий, не единства продуктов, но единства творческого процесса. Напомним, что философия религии, как особый тип философствования, включает философские рассуждения о природе божественного и отношении к миру и человеку, осмысляет религиозное отношение человека к действительности, проблемы гносеологии и религиозного языка, сущности и существования, атрибутов Бога.

Обобщая сказанное, выделим следующие исследовательские позиции при изучении катастроф в рамках религиозного подхода:

1. Сущность религиозных феноменов можно понять, только используя критический разум.

2. Религиозные феномены непосредственно связаны с познающим их субъектом. Лишь человек, сам являющийся верующим и обладающий религиозным опытом, способен постичь сущность религии.

3. Религия рассматривается через непосредственное отношение к ней при посредничестве критического разума. В этом случае пересматриваются существовавшие до этого формы бытия религии и делается вывод о неизбежном появлении «новых, более современных форм».

Отсюда логически вытекает проблема обновления, реконструкции исламской философии с учетом возникающих новых вызовов, проблем природного и социального характера, катастроф и кризисов, для их решения и единения судеб мира и человечества.

В пространстве отсутствия доверия, практически не контролируемого обществом технологического развития и жесткой конкуренции нужны новаторские идеи, способные создавать альтернативные решения и формы жизни, в том числе дискуссии о будущем исламской философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милошевич Зоран. Ислам и наука // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2014. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islam-i-nauka-1>

2. Alam Haled Fuad. Globalni islam // Sluzbeni glasnik. — Beograd, 2012. — URL: <http://alfaknjizara.rs/knjizara/politika-pravo-sociologija-ekonomija/globalni-islam-haled-fuad-alam/>

3. Amra Sabic-El-Rayess. Epistemological shifts in knowledge and education in Islam: A new perspective on the emergence of radicalization amongst Muslims // International Journal of Educational Development. — Vol. 73. — March 2020. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0738059319306261>

4. Давыдов В. Правда о достижениях мусульманских ученых Золотого Века. — URL: <https://gabblgob.livejournal.com/669377.html>

5. Тарази М. Причины расцвета и заката науки в исламском мире. — URL: <http://jamagat.kz/index.php/analitika/ll-prichiny-rastveta-izakata-nauki-v-islamsko>

6. Sadovic M. Islam i nauka: Bog postoji i opo-minje ljude: religija i nauka, dva saborca u borbi za opstanak i razvitak covjeka na zemaljskoj kugli // Prosperitet d. d. — Sarajevo, 2012. — URL: <https://www.knjizara.com/Islam-i-nauka-Bog-postoji-i-opominje-ljude-Mehmed-Sadovic-152652>

7. Фахрутдинов Р. Риза Фахретдин: реформатор, историк и политик. — URL: <https://realnoevremya.ru/articles/96898-riza-fahretdin-v-istorii-tatarskogo-prosvetitelstva>

8. Aminuddin H., Asmawati S., Norhasni Z. A., Habsah I., Haziyah H. The role of Islamic philosophy of education in aspiring holistic learning // Procedia — Social and Behavioral Sciences. — Vol. 5. — 2010. — P. 2113–2118. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042810017970>

9. Zaelani K. Philosophy of science actualization for Islamic science development: Philosophical study on an epistemological framework for Islamic sciences Pacific Science Review // Humanities and Social Sciences. — Vol. 1. — Iss. 3. — November 2015. — P. 109–113. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405883116300211>

10. Akhtyamova N., Panasyuk M., Azitov R. The Distinctive Features of Teaching of Islamic Economics: Philosophy, Principles and Practice // Procedia — Social and Behavioral Sciences. — Vol. 191. — 2 June 2015. — P. 2334–2338. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815029821>

11. Keshavarz S. Philosophy of Education in Exceptional Children According to Islam // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. — Vol.46. — 2012. — P. 2917–2921. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042812017181>
12. Fahm A. G. O. Remaking society from within: An investigation into contemporary Islamic activism in Nigeria // *Heliyon*. — Vol. 6. — Iss. 7. — July 2020. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405844020313840>
13. Nawal A. Al Eid, Boshra A. Arnout. Crisis and disaster management in the light of the Islamic approach: COVID-19 pandemic crisis as a model (a qualitative study using the grounded theory) // *Journal of Public Affairs*. — 2020. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/pa.2217>
14. Suyadi Z. N., Niki Alma Febriana Fauzi. The fiqh of disaster: The mitigation of COVID-19 in the perspective of Islamic education-neuroscience // *International Journal of Disaster Risk Reduction*. — Vol. 51. — December 2020. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212420920313509>
15. Solinska-Nowak A. et al. An overview of serious games for disaster risk management-prospects and limitations for informing actions to arrest increasing risk // *Int. J. Disaster Risk Reduct.* — 31 (11). — 2018. — P. 1013–1029. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212420917304090>
16. Akter S. Social cohesion and willingness to pay for cyclone risk reduction: the case for the coastal embankment improvement project in Bangladesh // *Int. J. Disaster Risk Reduct.* — 48 (1). — 2020. — P. 1–11. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S221242091931129X>
17. Iuchi K., Mutter J. Governing community relocation after major disasters: an analysis of three different approaches and its outcomes in Asia // *Prog. Disaster Sci.* — 6 (11–8). — 2020. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2590061720300089>
18. Rokib M. The significant role of religious group's response to natural disaster in Indonesia: the case of Santri Tanggap Bencana (Santana) // *Indones. J. Islam Muslim Soc.* — 2 (1). — 2012. — P. 53–77. — URL: <https://ijims.iainsalatiga.ac.id/index.php/ijims/article/view/91>
19. M. T. dan, T. P. P. Muhammadiyah, Fikih Kebencanaan. *Majelis Tarjih dan Tajdid Pimpinan Pusat Muhammadiyah*. — Yogyakarta, 2016. — URL: <http://tarjih.muhammadiyah.or.id/download-workshop-fikih-bencana.html>
20. The Fatwā and Islamic Research Council and Muhammadiyah Disaster Management Center, *Coping with Disaster: Principal Guidance from an Islamic Perspective*, Majelis Tarjih dan Tajdid Pimpinan Pusat Muhammadiyah. — Yogyakarta, 2016. — URL: <https://mip.umy.ac.id/wp-content/uploads/2018/07/Coping-with-disaster-principle-guidance-from-an-islamic-perspective.pdf>
21. Mainzer K. *Complex Systematic Thinking: Matter, Mind, Humanity. A New Synthesis*. — Moscow: Book House LIBROKOM, 2009. — 464 p.
22. Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. *Synergetics: Nonlinearity of Time and Landscapes of Coevolution*. — M.: KomKniga, 2007. — 272 p.
23. Abdeev R. F. *Philosophy of Information Civilization*. — Moscow, 1994. — 335 p.
24. Чуличков А. Теория катастроф и развитие мира // *Наука и жизнь*. — URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/6068/>
25. Синергетическая философия истории и философия религии (Введение в синергетическую философию религии) / под ред. В. П. Бранского и С. Д. Пожарского. — СПб., 2009.
26. Турсунов А. Ислам и наука // *Наука и религия*. — 1989. — № 7. — С. 24–25.
27. Лимэн О. Введение в классическую исламскую философию / пер. с англ. — М.: Издательство «Весь мир», 2007. — 280 с.